

*Е. М. Колосова,
директор музея истории университета
С. А. Лагун,
доцент кафедры педагогики
И. В. Лихолетова,
главный хранитель фондов музея истории университета*

ПОДЛИННЫЙ ДРУГ ДЕТЕЙ

К 125-летию со дня рождения
В. Н. Сороки-Росинского
(1882—1960)

Образ строгого, но обаятельного и, несомненно, талантливого педагога Викниксора из книги Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика ШКИД» и одноименного художественного фильма никого не оставляет равнодушным. В детстве и юности мы с увлечением следили за весёлыми приключениями бывших беспризорников, собранных вместе в трудовой школе-коммуне им. Ф. М. Достоевского (сокращенно — ШКИД). Книга и фильм и в наши дни пользуются неизменным успехом, хотя речь в них идёт о 20-х годах прошлого века — времени становления новой, послереволюционной России.

Но далеко не все знают, что эти события происходили на самом деле и что Виктор Николаевич Сорин — Викниксор — это реальное лицо, а прототипом персонажа послужил действительный директор школы-коммуны им. Ф. М. Достоевского, замечательный педагог Виктор Николаевич Сорока-Росинский.

В этом году отмечаются две знаменательные даты: 80 лет со дня выхода в свет книги, которую написали воспитанники ШКИДы, и 125 лет со дня рождения самого Виктора Николаевича — Викниксора.

Естественно, возникает вопрос: а каким был на самом деле один из главных героев повести? Ответить на него помогают, прежде всего, архивные материалы, часть которых хранит наш музей. Дело в том, что В. Н. Сорока-Росинский с 1925 по 1930 г. работал в ЛГПИ им. А. И. Герцена. Фонд музея истории университета постоянно пополняется новыми сведениями об этом педагоге, которые активно изучаются как студентами, так и учеными из разных городов.

Родился Виктор Николаевич Сорока-Росинский 26 ноября 1882 г. в украинском городке Новгороде-Северском, ныне Черниговской области, близ которого было небольшое имение его отца, потомственного военного, Николая Михайловича Сороки.

Мать Виктора Николаевича, Татьяна Капитоновна Россинская, происходила из семьи священника небольшого городка Золотоноши. Женщиной она была строгой, властной и решительной. Татьяна Капитоновна получила образование по тем временам хорошее и целью жизни поставила сделать своему единственному сыну блестящую карьеру. Намерение Виктора стать военным она решительно пресекла в самом зародыше и по окончании им гимназии настояла на поступлении в Петербургский университет, для верности отправившись в столицу вместе с сыном. В 1901 г. он поступил в университет на историко-филологический факультет, по окончании которого, в 1906 г., стал преподавать в гимназиях Петербурга—Петрограда. Интерес к психологии привёл его в Военно-медицинскую

академию, где он два года проработал в психологической лаборатории А. Ф. Лазурского. В. Н. Сорока-Росинский много занимался научной и литературной деятельностью. Его первые студенческие статьи были посвящены вопросам психологии. Позже появились работы по проблемам воспитания и обучения. Его статьи систематически публиковались в журналах «Вестник воспитания», «Русская школа», «Народный университет». В этих работах, являющихся отражением реального педагогического опыта, особое внимание уделялось созданию новой школы. Большой педагогический опыт Виктор Николаевич приобрел в передовом коммерческом училище Путиловского завода, где работал с 1918 г.

В 1920 г. В. Н. Сорока-Росинский, с группой педагогов-единомышленников, товарищей по Путиловскому училищу (таких как Э. А. Люминарская, К. А. Меденников, А. Н. Попов), составивших надёжное ядро педагогического коллектива, организовал и возглавил школу-коммуны им. Ф. М. Достоевского для трудновоспитуемых детей, где проявил себя как выдающийся педагог-гуманист. Там В. Н. Сорока-Росинский сформулировал принципы новой педагогики коллектива как наиболее эффективного инструмента для воспитания, в особенности — «трудных» детей и подростков. Впрочем, «трудными» этих детей Виктор Николаевич не считал. В. Н. Сорока-Росинский и его жена и соратница Э. А. Люминарская, как вспоминает их сын Константин, «...не только любили детей, как многие отцы и матери, для которых все родные дети одинаково дороги, сколько бы их ни было, но... были начисто лишены чувства собственников, отделяющих невидимой стеной своё “чадо” от других, “чужих” детей».

Элла Андреевна была безоговорочным сторонником «системы Викниксора», которую сам Виктор Николаевич именовал «суворовской педагогией». Свою увлеченность каким-либо делом или процессом обучения он ненавязчиво передавал ребятам, зажигая в них искры живого интереса. Недаром почти все его ученики вспоминают, как совершенно добровольно и с радостью они учились, далеко выходя за временные рамки стандартного учебного процесса. Бывший воспитанник ШКИДы, писатель Л. Пантелеев, один из авторов книги, писал: «В ШКИДе мы и зимой и летом проводили за партами по десять и больше часов и не чувствовали при этом никакой усталости, ни малейшего переутомления. Наоборот, учёба для нас была высочайшей радостью. А весь день мы находили ещё время и для чтения, и для игры, и для бурной издательской деятельности, и для театральных постановок, и для активной работы в обществе “Старый Петербург — Новый Петроград”. И для бузы». Далекое не каждому учителю удаётся так организовать учебный процесс, чтобы дети и не переутомлялись, и не теряли мотивации к обучению, чтобы познание нового было в радость, а не в тягость. Но эта неутомимая учёба, как пишет об этом сам Виктор Николаевич, не была самоцелью, да и не могла ей стать у бывших беспризорников: «Учиться, чтобы добыть себе путёвку в жизнь, так сказали бы мы теперь. Учиться, чтобы “выйти в люди”, так сказали тогда шкидцы. Это стало их девизом, это звучало в их гимне. Вот для чего понадобилось нам возложить на наших питомцев такое бремя. Вот во имя чего они могли учиться по 10 часов в день. Учёба — вот что у нас было главным оружием перевоспитания».

С первых дней советской власти В. Н. Сорока-Росинский, тесно связавший свою жизнь и судьбу с построением новой школы, стремился развивать в ней дух демократизма, сотрудничества, инициативы, самостоятельности. Он глубоко понимал, последовательно развивал и внедрял в жизнь, применительно к конкретным условиям, основополагающий принцип жизни школы — принцип игры: «...Может быть, в этом игровом и состязательном начале, — писал он, — кроются такие резервы, до сих пор не использованные, какие позволяют поставить всё школьное дело по-иному».

Тот, кто читал повесть «Республика ШКИД» и смотрел фильм, знает, что ШКИДа отнюдь не была «институтом благородных девиц». Нет, это было учебно-воспитательное

заведение совсем другого рода. Сюда приводили со всех концов Петрограда самых отъявленных «бузовиков», воришек и малолетних преступников. Процветали в школе и воровство, и картёжные игры, и ростовщичество. Были и жестокие драки. Ни на минуту не утихла война между «шкидцами» и «халдеями» (так ребята прозвали педагогов).

Но было и другое. Как уже упоминалось, ребята учились — и учились охотно, без принуждения — по десять часов в день. А ещё они много и с увлечением читали, изучали иностранные языки (особенно немецкий), писали стихи. И даже активно занимались издательской деятельностью. Было время, когда в этой крохотной республике на шестьдесят человек «населения» выходило около шестидесяти газет и журналов!

Но всё это (или почти всё) в фильме, к сожалению, отражения не нашло. Так же, как не удалось авторам книги объективно отразить саму личность Викниксора и его педагогические взгляды. Но было бы трудно от них этого ожидать — и из-за возраста авторов, и из-за «детского» взгляда изнутри на жизнь ШКИДы, и, конечно, в силу того, что «Республика ШКИД» — произведение художественное, а не биографическое, не претендующее на документальную точность. Но именно это и сыграло роковую роль в судьбе и педагогической деятельности Виктора Николаевича Сороки-Росинского.

В 1925 г. Виктор Николаевич ушёл из ШКИДы и был назначен заведовать 39-й школой Центрального района, расположенной на Невском проспекте во дворе тогда ещё действующей католической церкви Св. Екатерины.

В 1927 г. увидела свет книга «Республика ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева. Успех этой книги, как это ни парадоксально, неблагоприятно сказался на положении Виктора Николаевича в школе. Образ Викниксора как педагога и вся его система воспитания в местном педагогическом мире были восприняты весьма неодобрительно. Кроме того, в 1930 г. вышла ещё одна книга о ШКИДе, «Последняя гимназия», также написанная бывшими воспитанниками, П. Ольховским и К. Евстафьевым. Правда, такого резонанса, как «Республика ШКИД», эта книга не нашла. Но благодаря этим публикациям школа Достоевского получила неслыханную популярность. Константин Викторович Россинский отмечает, что в гороно и роно ни для кого не было секретом, что В. Н. Сорока-Росинский был прототипом Викниксора, и это не замедлило сказаться на его взаимоотношениях с руководством этих органов и инспекторами. Впоследствии, мучимый многолетними противоречиями, вызванными превратным восприятием общественностью его взглядов и принципов, основанных на художественном полувывысле, В. Н. Сорока-Росинский сам написал книгу «Школа Достоевского». В ней он обобщил свой педагогический опыт, высказал ряд положений, касающихся перестройки школы, которая в то время очень отставала от жизни. «Видел он и перспективы, которые открывались перед школой, и воочию представлял себе, каким путём идти учителю», — написал его сын в своих воспоминаниях об отце.

Но многим из его противников он представлялся Дон-Кихотом, который досаждал им своими поисками и экспериментами, портил им всю картину бумажного канцелярского благополучия. Да и «Дон-Кихот» этот, в отличие от безвредного героя Сервантеса, отличался ядовитым сарказмом...

В ряду самых непримиримых критиков Викниксора как заведующего школой-коммуной им. Ф. М. Достоевского находился и А. С. Макаренко. Уже в 1937 г., через 10 лет после выхода книги, в своей статье «Детство и литература», наряду с другими книгами о правонарушителях, Макаренко подверг самому суровому анализу книгу Белых и Пантелеева. По его мнению, «...эта книга есть добросовестно нарисованная картина педагогической неудачи».

В. Н. Сорока-Росинский, разумеется, читал все отзывы. Высоко оценивая работу самого Макаренко, он, однако, считал возможным провести параллель между его и своей работой. Он говорил о некотором тождестве своей судьбы и судьбы Макаренко. Ведь и тот

был не понят и не принят, ведь и его обвиняли в буржуазных идеях, в том, что он идёт не в ногу со всей советской педагогикой, и он также был снят со всех должностей... Несмотря на это, понимания у Макаренко В. Н. Сорока-Росинский не нашёл.

К тому же для его семьи в то время настали трудные времена: первым ударом явилась смерть матери Виктора Николаевича, Татьяны Капитоновны, которую он очень любил и с которой всегда был по-сыновнему внимателен. Ещё одним несчастьем явилась неизлечимая болезнь Ксении, приёмной дочери Виктора Николаевича и родной дочери Эллы Андреевны. Лучшие врачи оказались бессильны, и девочка медленно угасала на глазах родных.

Одновременно с заведованием 39-й школой Виктор Николаевич состоял ассистентом Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена на отделении социально-правовой охраны несовершеннолетних, готовившем воспитателей для работы с беспризорными и трудными детьми, а также с осужденными подростками.

Сюда его пригласил известный в то время юрист, организатор первой в России комиссии по делам несовершеннолетних, профессор П. Г. Бельский, с которым Виктор Николаевич был близок по работе еще с дореволюционного времени. П. Г. Бельский возглавил кафедру педагогики трудного детства. Факультет считался одним из сильнейших в институте и по контингенту студентов, и по профессорско-преподавательскому составу. Виктор Николаевич работал с такими профессорами, как первый детский судья в России Н. А. Окунев, организатор особых судов по делам несовершеннолетних П. И. Люблинский, дефектолог А. С. Грибоедов, педагог А. С. Гинтовт, будущий академик К. М. Быков, а также и с другими известными деятелями, внесшими значительный вклад в дело организации борьбы с детской преступностью и беспризорностью.

Но в 1928 г. Виктор Николаевича ждал новый удар: воспользовавшись критикой в адрес его литературного «двойника» Викниксора, его недруги решили от него избавиться: педагогу запретили работать в средней общеобразовательной школе, восстановив его в этом праве лишь в 1936 г. В этот временной промежуток В. Н. Сорока-Росинский преподавал в классах Торфяного техникума для трудновоспитуемых (1928), а с 1933 г. — в школе для психоневротиков при Ленинградском педологическом институте и одновременно, до закрытия института в 1936 г., работал его научным сотрудником. С 1936 г. Виктор Николаевич занимается подробной разработкой методики преподавания русского языка в средних классах.

Когда началась Великая Отечественная война, педагог остался в блокадном Ленинграде. Он продолжал учить ребят своей 210-й школы, писал в газеты, несмотря на всё ухудшавшееся здоровье. Много тяжёлых испытаний выпало на его долю, но самым мучительным для него было одиночество: Элла Андреевна с институтом (Педагогический институт имени М. Н. Покровского, в котором она преподавала) эвакуировалась на Кавказ.

В августе 1942 г. Виктора Николаевича, дошедшего до крайней степени дистрофии, с обострившимися заболеваниями сердечно-сосудистой системы, прогрессирующей глухотой и ухудшением зрения, удалось эвакуировать на Алтай, в Ойрот-Туру (ныне Горно-Алтайск). По дороге у него украли чемодан со всем его убогим имуществом, а также рукописями и документами. Осталось только то, что было в карманах: паспорт, профсоюзный билет и пенсионная книжка. Но это был человек нескгибаемой воли и силы духа.

Несмотря на нездоровье, В. Н. Сорока-Росинский продолжал активно работать: преподавал в школе, проводя до 50 уроков в неделю (брать меньшую нагрузку ему казалось «неудобным» в трудное военное время), читал лекции в местном педучилище, в спецшколе Военно-воздушных сил и на учительских курсах.

Здесь он приобрёл всеобщую детскую любовь и признание. В. Н. Сорока-Росинский отмечал, что работа в Горно-Алтайске очень обогатила его методический опыт. Несмотря

на множество трудностей, он имел здесь, как и в ШКИДе, неограниченную свободу действий, мог смело экспериментировать, как подсказывали ему его опыт и интуиция учителя.

Спустя 4 года, надеясь найти лучшую обстановку для начатой им научно-исследовательской работы, он переехал в Киргизию, в город Пржевальск Иссык-Кульской области, где с головой ушёл в работу: преподавал на курсах учителей средних классов и в учительском институте, часто бывал в школах Пржевальска и области, внимательно знакомился с методикой преподавания в них. Он состоял внештатным инспектором горно.

Осенью 1948 г. Виктор Николаевич вернулся в Ленинград и стал преподавать сначала русский язык и литературу в 233-й женской школе (с 1948 по 1953 г.), затем в 260-й школе, откуда, как гласит запись в его трудовой книжке, был «отчислен из состава учителей».

Теперь в его жизни мало что менялось, но жить без детей он по-прежнему не мог. Л. Пантелеев описывает последние годы жизни Виктора Николаевича так: «...и в этом преклонном возрасте жил не по-стариковски деятельно: писал историю своих педагогических взглядов, сотрудничал в газетах и журналах, составлял какие-то методические пособия для школы. И постоянно над кем-то шефствовал, кого-то опекал». Педагогическая работа продолжалась, но уже на дому: из ребят окрестных школ и семей он организовал домашнюю «академию», куда ребята приходили не только заниматься, подтягивая школьные «хвосты», своих «академиков» Виктор Николаевич увлекал литературой, историей, учил разбираться в музыке и искусстве. Несмотря на нездоровье и преклонный возраст (73 года), он бродил с ними по городу, ездил на острова. Ленинград он очень любил, знал его досконально и старался привить эту любовь всем детям.

Состав этой ребячьей «академии» не был постоянным, занимались в несколько смен, преобладали в ней его любимые «трудные неслухи». Одним он помогал выкарабкиваться из-под завала двоек, с другими просто ходил в театр или кино, рассказывал им массу всяких интересных вещей.

Погиб Виктор Николаевич нелепо, трагически: попал под трамвай. Он очень плохо видел и слышал, поехал за билетами в панорамное кино: хотел отпраздновать первую пятёрку своей любимой воспитанницы Верочки, и в темноте не услышал звонка вагоновожатога... Случилось это горестное событие 1 октября 1960 г. Похоронен В. Н. Сорока-Росинский на Серафимовском кладбище.

В краткой статье невозможно даже в минимальной мере осветить более чем пятидесятилетний педагогический путь Виктора Николаевича Сороки-Росинского. На своих трудах он писал: «Может, пригодится товарищам». Его педагогическое наследие — наше общее богатство. Вот почему музей истории РГПУ им. А. И. Герцена по крупницам собирает не сохранившиеся полностью архивы педагога, воспоминания его учеников, родственников, документы.

Отрадно видеть, что интерес к творчеству В. Н. Сороки-Росинского растёт и среди студентов-герценовцев. Конечно, первоначальные сведения они узнают от преподавателей, но далее в процессе самостоятельного исследования появляется и стимул для развития их личностного потенциала.

Например, на факультете безопасности жизнедеятельности стало традицией к юбилейным датам готовить творческие работы в рамках изучения курса «История образования и развития педагогической мысли». Накануне юбилея Герценовского университета студентам были предложены темы творческих работ, связанные с историей университета, именами известных ученых и педагогов, работавших и работающих в университете. Студенческие работы были представлены в различных формах: видеофильмы, стенгазеты, педагогические журналы, доклады-сообщения и слайды. Все творческие работы оформлялись как подарки университету к юбилею. Презентация творческих работ вызвала повышенный интерес студентов. Особо выделили работу на тему «ВикНикСор — друг детей»,

ЛЮДИ. ГОДЫ. ЖИЗНЬ

выполненную студентом III курса факультета безопасности жизнедеятельности Никитой Полудой.

Во время педагогической практики Н. Полуда продолжил исследовательскую работу по этой теме. Будучи на ознакомительной педагогической практике в школе № 596, он сумел увлечь своим проектом не только учащихся, но и преподавателей.

По инициативе учителей школы № 596, а также преподавателей и студентов РГПУ им. А. И. Герцена было решено обратиться к депутатам Приморского района с просьбой оказать содействие в установлении памятника выдающемуся педагогу В. Н. Сороке-Росинскому. Результатом совместной деятельности вуза, школы, муниципального округа № 65 Приморского района стало открытие 6 октября 2007 г. памятника Учителю на Серафимовском кладбище.

Дело Викниксора всегда будет жить в памяти потомков и в истории отечественной педагогики.